

Павел Пушкарёв

Дмитрий Исупов

ВЫБРОШЕННЫЕ
ОБРЫВКИ И КЛОЧКИ

Рассказы

**Павел Пушкарёв
Дмитрий Исупов
Выброшенные Обрывки
и клочки. Рассказы**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48507218

ISBN 9785005068248

Аннотация

Два выброшенных на периферию жизни молодых человека слоняются по заброшенным зданиям – пишут на покрытых грязью стенах свои никому не понятные обрывки и клочки. У них есть бутылка портвейна на двоих, жизнь на двоих, и теперь даже одна книжка на двоих. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Павел Пушкарёв	5
Выброшенные	5
Шнурки	6
Преступники	9
Зверь	12
Соревнования	16
Токсикоманы	19
Любовь	23
В больнице	27
На улице	31
Дискотека	33
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Выброшенные Обрывки и клочки Рассказы

**Павел Пушкарёв
Дмитрий Исупов**

© Павел Пушкарёв, 2019

© Дмитрий Исупов, 2019

ISBN 978-5-0050-6824-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Павел Пушкарёв

**Выброшенные
Рассказы**

Шнурки

Всем моим друзьям посвящается...

В одной провинциальной газете вышла статья прозаика Седова, где он услаждая себя принципом «мол у меня ж опыта больше» – решил высказать своё мнение по существу о недавно вышедшей в свет новой книге поэта Лысова. Всё дело в том, что сочинение это представляло собой скорее не критический разбор стихов, а простое выяснение отношения, с нанесением оскорблений автору. Что ещё интереснее, в самом начале этого опуса красовался выделенный жирным шрифтом текст, о том, что его повесть заняла там какое-то почётное место, видимо упомянута она была в пример вышедшей книге поэта – какая должна быть литература, а какая не должна. Прозаик Седов назвал стихи Лысова ахинеей, а самого автора причислил к сумасшедшим.

Прочитав статью, Лысов слегка упрекнул редактора газеты в том, что тот явно поскромничал, поместив от себя небольшую информацию о повести прозаика. А вот напечатать отрывок из неё, в доказательство того, что она действительно превосходит его стихи – не решился. После этого Лысов решил зайти в редакцию газеты, узнать адрес своего обидчика, и объяснить с ним по поводу непростительных оскорблений.

Он поднялся по лестнице старого здания, нажал на кнопку звонка, и дверь ему открыл пожилой вахтёр.

– Чего надо? – спросил он у Лысова.

– Мне нужен главный редактор.

– Он в командировке.

– Извините, а вот мне хотелось бы узнать...

– Повторяю, он в командировке. Ничем не могу помочь.

Лысов вышел на улицу совершенно расстроенным. Теперь ему оставалось только возвратиться домой, и забыть эту статью как неприятный сон. Но странное дело, где же он мог слышать фамилию Седов раньше?

Чтобы хоть как-то развеять тот неприятный осадок в душе, что остался от этой злополучной статьи – Лысов решил немного пройтись по вечернему городу. Гуляя, он начал воссоздавать в памяти образы и события связанные со своей молодостью. Сначала прошёлся вдоль городского парка, где когда-то они с друзьями буйно отмечали праздники. Потом сел в полупустой автобус, и проследовал по знакомому маршруту, который всегда проделывал, направляясь на какую-нибудь встречу. А ещё через некоторое время зашёл в студенческую столовую, чтобы вспомнить, что он употреблял в пищу после утомительных занятий в институте. Купив себе два бутерброда, Лысов сел за столик, случайно повернулся назад, и увидел своего старого друга детства Седова.

– Дружище, как твои дела?

На что тот сделал вид, как будто не заметил, что к нему

обращаются с вопросом. Приняв во внимание факт, что Седов не узнал его, Лысов не стал говорить ему кто он такой, а попытался напомнить ему о себе другим способом. Он наклонился к ботинкам, развязал шнурки, и стал их поочерёдно завязывать. Всё дело в том, что очень давно, в детстве, Лысов соревновался со своим приятелем на скорость завязывать шнурки. И теперь этот самый приятель Седов сидел перед ним за соседним столиком.

– Теперь-то узнал?

– Узнал – обрадовался удивлённый Седов.

Так встретились старые друзья, и что было потом не имеет смысла описывать. Но если бы не случилась эта история со статьёй, так и не встретили бы они друг друга никогда.

2011

Преступники

Нам с Диней по восемь лет. Мы друзья-одноклассники. В свободное от учёбы время, в роще, у речки-говнотечки, печём на костре булочки. Покупаем их в булочной, а после приготовления на огне едим. Романтика одним словом. Вот и сейчас решили испечь, опять пришли сюда. Диня подготавливает место для костра, я тоже собираю сухие ветки. Стоит поздняя весна, дышится легко. Природа пробуждается от долгого сна. Чтобы трава в роще росла быстрее, старую сухую поджигают. И поэтому каждую весну роща горит, охвачена дымом.

Мы с Диней совсем ещё шпана. Всё для нас вокруг важно, даже времена года – зима, весна; потому что в нашей жизни их было ещё совсем мало. Мой любимый предмет в школе – Природоведение. Там рассказывается отчего бывает дождь, снег, как растут деревья. Знать это в моём возрасте интереснее всего. Не знаю какой предмет любит Диня, да и не до уроков сейчас. Мы уже считаем себя взрослыми, и сгораем от нетерпения отведать печёных булочек. Тут вижу, как вдоль речки-говнотечки идёт мужик. Подходит к нам и говорит строго:

– Ну-ка всё из карманчиков...

Начинаем неохотно доставать всё из карманов. Чего только в таком возрасте в них нет – всякие предметы, деньги, ну

и конечно спички для разжигания костра.

– А, вот кто рощу поджигает, пойдём в милицию.

Мужик хватает Диню за шиворот. А мне говорит, чтобы я шёл следом, и не вздумал бежать, а то не поздоровится. Видимо неудобно ему двоих держать и вести. В милицию ведут, во думаю влипли... Вспоминаю, что в кармане у меня лежит пять рублей, которые дали родители на «питание» в школе. А я не отдал их учителю, хотел купить себе жвачку. И вот теперь боюсь, что вся правда откроется.

Всю дорогу удерживаемый за шиворот Диня громко ревет, а я послушно семеню следом. Была у меня конечно мысль убежать, но не хотелось бросать друга в беде. Мужик довёл нас до милицейского пикета, и передал двум милиционерам. Пикет располагался во дворе дома. Здесь гуляло много детей, на скамейках заседали бабки.

– Попались, бандиты малолетние! – выкрикнула какая-то старуха. Дети, видя что кого-то поймала милиция, пооткрывали рты. Нас запихали в милицейский уазик. Сидим на заднем сиденье. Диня не перестаёт реветь, я молчу. Один из стражей порядка поочерёдно задаёт нам вопросы.

– Имя, фамилия?

– Год рождения?

– Адрес проживания?

– В какой школе учимся, как зовут классного руководителя?

– Что делали в роще, откуда спички?

Мы послушно отвечаем. Говорим, что особо ничего не делали, собирались печь булочки. Допрашивающий всё это записывает. После допроса уазик заводится, и нас куда-то везут. Я перепуган не на шутку, думаю о родителях. Что же теперь будет?

У районной почты машина вдруг останавливается, и голос с переднего сиденья нам командует: «А ну вымётывайтесь шнурки!». Вылезаем из уазика, ещё не зная, чем всё это кончится. Машина трогается дальше. А мы, потрясённые случившимся, направляемся в сторону дома.

2011

Зверь

Ходит в народе такая история, что как-то утром с сопки в город спустился медведь, перебежал через центральную площадь, нырнул в бухту и уплыл на другой берег. Ехавшие на работу люди в автобусе и машинах, увидев хищного зверя – не верили своим глазам. Рассказывали и другое. Как напал медведь на человека, собиравшего в лесу ягоду и грибы, рыбачившего на реке. Снимал с него скальп, закапывал тело в землю. Хищник, как известно, свежему больше предпочитает мясо с душиком. А пролежав некоторое время в земле, оно как раз приобретает такое свойство. Истории исторически – можно им верить, можно нет. Но когда ты сам оказываешься во власти дикой природы, начинаешь думать по-другому.

Я бреду по лесу. С широких проветриваемых полян захожу в прохладные осиновые и берёзовые рощицы, ищу грибы. Когда-то давно в этом лесу был военный полигон. Самолёты в рамках учений бомбили специально возведённые укрепления. До сих пор здесь можно встретить заросшие деревьями воронки от взрывов бомб и развороченные куски металла. Но моё внимание больше привлекают широкие медвежьи тропы и муравейники, все до одного разрушенные зверем. Забавно – хищник, питающийся личинками насекомых. Где он сейчас, наверное отлёживается в мягкой траве, чтобы но-

чью выйти на охоту?

Часто приезжая в этот лес с родителями, собирая жимолость, мы начинали чувствовать, что за нами кто-то следит, ощущать на себе чей-то взгляд. В этой гнетущей обстановке невольно впадаешь в панику. Понимаешь, что в любую секунду откуда-нибудь из зарослей осинника может выскочить и напасть на тебя медведь. Обычно в такой момент начинаешь громко разговаривать и что-нибудь выкрикивать – это может отпугнуть зверя. Ну а если всё же действительно нападёт, то единственный способ спастись – залезть на близрас-тущее дерево, или бежать до оставленного у лесной дороги автомобиля. Если конечно успеешь...

Я слышу хруст ломающегося бурелома. Хруст разносится по округе на несколько десятков метров. Такой звук может производить только большой зверь. Кажется, что сейчас он выскочит из-за кустов. Не раздумывая, мы укрываемся от опасности в своём автомобиле. Но вот, что странное – медведь словно бы избегает показываться на глаза человеку. Как правило, сначала он запугивает зашедшего на его территорию – громко шумит и ревёт. А если незваный гость не удаляется, то впускает в ход своё оружие – когти и зубы.

То что зверь ведёт себя подобным образом – мне довелось самому проверить на личном опыте. Как-то прогуливаясь с приятелем по лесной дороге, вблизи дачных участков, мы обнаружили медвежьи следы и помёт.

– О смотри Игорёк – дерьмо, и следы явно не собачьи.

– Ну и что, знаешь сколько мы у себя на Пятой стройке* этих следов находим?

– А самого медведя видел-то?

– Конечно видел, правда недолго, в лесу, мы с отцом за грибами ездили.

Я знал, что Игорёк врёт. Я легко это угадывал по его выражению лица. Если он и видел живого медведя, то где-нибудь в зоопарке, или цирке, а никак не в лесу.

Лесная дорога, по которой мы гуляли, располагалась между лесом и окраиной дачного посёлка. На некоторых участках работали дачники – кололи дрова и собирали клубнику, окучивали и поливали грядки. Один их них предупредил нас, что гулять по этой дороге небезопасно, что ночью здесь видели медведя. Но эта новость нас только обрадовала. Не зная чем заняться, мы с Игорем поняли, что у нас есть удачная возможность не проболтаться впустую, а провести этот день с пользой. И мы решили углубиться в лес, в надежде увидеть настоящего живого медведя.

Пробираясь по узкой лесной тропе мы даже и не подозревали, что уже давно находились там, где человек перестаёт быть хозяином обстоятельств. Где действуют те законы и правила, которые устанавливает некая невидимая и непонятная сила. И чем дальше мы углублялись в лес, тем больше подвергались её воздействию. И тут из-за кустов раздался громкий медвежий рёв. Мы с Игорем бросились в разные стороны, даже не думая что надо делать, всё происходило са-

мо собой. Я бежал сломя голову, перепрыгивая через поваленные старые деревья и сминая колючие кусты шиповника. Я чувствовал присутствие хищного зверя за своей спиной. И мне было так неприятно, так страшно ощущать себя его жертвой.

Из леса я выбежал прямо не чей-то неогороженный дачный участок, перепуганные дачники стали быстро прятаться в свои автомобили. Рядом с людьми я почувствовал себя немного в безопасности. Остановившись, стал пристально смотреть на лес, из которого только что бежал от медведя. Там никого не было. Лишь поодаль шёл по участку в мою сторону испуганный Игорь.

* Пятая стройка – название территории садоводческих, дачных объединений вблизи Петропавловска-Камчатского.

2013

Соревнования

Если ты не умел драться, и за тебя некому было заступиться, то на тебе могли просто ездить – на улице, в школе. Дрались двор на двор, район на район. Да и просто между собой, желая утвердить своё лидерство в компании. Дрались по-настоящему, до тех пор, пока ты не начинал задыхаться и терять сознание лёжа под противником. Били кулаком в лицо, не думаю о последствиях.

– Ах ты гад. Ну подожди, доберусь я до тебя – вертелось у меня в голове, когда я сплёвывал солоноватую кровь на снег.

Пробовали выплавлять из свинца кастеты, некоторые вооружались ножами.

В нашей школе ходят по средним и старшим классам какие-то люди, называют себя тренерами, увлекают записаться в их секцию по самбо. Недолго думая мы с приятелями решили сходить, посмотреть что к чему. Тренажёрный зал располагался в подвальном помещении, которое раньше предназначалось для бомбоубежища. Обстановка как и полагается – спортивные снаряды, широкие маты, боксёрские груши развешаны тут и там. Подходим к тренеру, и говорим что тоже хотим тренироваться. Он записывает нас в свой журнал, говорит в какую одежду лучше одеваться на тренировки, называет расписание работы секции. И уже через неко-

торое время я вовсю отработывал на занятиях бросок через бедро и болевой на руку.

На улицах и в школе начинаю чувствовать себя уверенней. После уроков за школой сцепляемся с одноклассником. Я без особого труда укладываю его на землю. Знакомые начинают меня уважать, а некоторые даже побаиваться. На очередном занятии тренер говорит, что скоро будут проходить общегородские соревнования, и что надо бы не ударить в грязь лицом – занять какие-нибудь призовые места.

И вот наступает тот долгожданный день. Ночью даже спал плохо, как перед экзаменом. Но сейчас настроен решительно. Народу в спортзале полно, все разминаются перед предстоящими боями. Проверяют растяжку, отжимаются, проходят процедуру взвешивания. Я тоже занимаю очередь к весам. Вижу, как передо мной стоит пацан с каким-то неестественно большим лбом. Такой лоб я встречал только у взрослых, с любопытством его осматриваю. Подходит моя очередь вставать на весы. Мне называют вес. Начинаются бои.

Один мощный парень вырубает одного, второго.

– Хорошо дерётся – думаю я, глядя как тот бросает соперника через бедро.

Зрители и участники соревнований обступили площадку сражений. Кричат, аплодируют победителям. С нетерпением жду своего выхода. Наконец-то называют мою фамилию, и я выхожу на бой. Сцепляемся. Мой противник смотрит уверенно, хватка крепкая, чувствую что сильнее меня. Он пы-

тается уложить меня на мат, но у него ничего не получается. Я твёрдо стою на ногах. Тут бой останавливают, и говорят что перепутали фамилии, в результате чего я вышел драться с бойцом тяжелее меня, не своей весовой категории. Ухожу с матов.

Опять жду. Проходит череда сражений. Два пацана отчаянно борются. Очень долгий бой. Кто же победит? Один перекидывает другого через себя.

– Вот это да, здорово получилось – говорю я сам себе.

Опять слышу свою фамилию. Теперь точно я. Выхожу на маты. Ко мне выходит тот самый пацан с большим лбом. Я быстро обдумываю тактику сражения – так сначала завалить, ну а потом болевой на руку и дело сделано.

Мы начинаем драться. Я ставлю ему подножку, он падает. Крепко схватив руками, тянет меня за собой. Я падаю на него. Чувствую, как мой подбородок ударяется обо что-то твёрдое и тёплое. Начинаю понимать, что я воткнулся им в какую-то часть его тела. Подымаюсь на ноги. Пацан лежит без движения. Стоит полная тишина, никто не аплодирует. Я смотрю на его лицо – глаза закатились. Во лбу глубокая дыра, из неё течёт кровь.

Подбежавший тренер, осмотрев лежащего, закричал: «Вызывайте скорую!»

Токсикоманы

Мы забурились с Тёмой в подвал подышать клеем. Разлили «Момент» по пакетам, уселись поудобнее – я на трубу, Тёма на бетонный порог на полу. И уже через несколько минут погрузились с ним в бессознательное состояние, вдыхая через рот пары токсического вещества. А ещё через некоторое время очнулись от странного звука, исходившего из соседней комнаты подвала. Там кто-то пел грустным детским голосом. Свет, падающий от небольшого подвального окошка на улицу, стал таинственным образом затемняться.

– Тёма, посмотри кто это там?

Он сидел ближе к проходу в другую комнату.

Пожалуй, ещё ни разу галлюцинации у меня не были такими реальными. Я был очарован красивым пением, и в тоже время мне было как-то не по себе. Я осознавал, что существо, от которого исходил звук – было явно не из этого мира. Тёма заглянул в другую комнату, но видимо ничего не увидев, продолжил вдыхать клей. Голос исчез, свет вернулся в своё естественное положение. Вернулся и я к своему пакету, чтобы опять забыться в сладком наркотическом сне.

Прийти подышать клеем именно сюда – была моя идея. Когда-то здесь мы с пацанами содержали собственный подвал, оборудованный металлической дверью с замком и выстланным украденными досками полом. В плане ещё было

сделать лежак, но всё то время, которое должно было уйти на его изготовление – мы тратили на поглощение клея. Теперь от того бравого зодчества ничего не осталось – ни двери, ни пола. Всё растащили.

Об этом укромном месте в подвале нам рассказал Мазик, он был самым старшим из нашей компании. Мазиком мы его называли, потому что у него была фамилия Мазняк. Ходили слухи, что здесь он ставил опыты на кошках. Наш район был самым больничным в городе. И между туберкулёзным и венерологическим диспансерами мы облюбовали больничную помойку, добывая оттуда кучу шприцов и упаковок неиспользованных ампул. Мы взрывали эти ампулы на костре, а Мазик наверное вкалывал их пойманым животным.

Тогда-то примерно всё и началось. Мы стали дышать клеем постоянно. После каждого такого токсикоманского захода меня мучила головная боль, а привкус клея во рту мог держаться несколько дней подряд. Иногда клей попадал мне на руки и лицо, и тогда я сдирал его с лица вместе с кожей – отчего появлялись огромные болячки.

Каждый раз, когда я начинал дышать, я представлял как ухудшается моё здоровье. Мне то грезилось, что я проглотил язык, то видел свою собственную могилу посреди подвала. Но обычно мрачные болезненные галлюцинации сменялись галлюцинациями, от которых было очень весело. Однажды, в очередной заход, оторвав лицо от пакета, я увидел, что все мы стали клоунообразами. Мы были одеты в красные обтя-

гивающие костюмы и шапки с бубенчиками. Мазик был нашим папой, а мы его весёлыми сыновьями. Его пакет с клеем внутри превратился в большой разноцветный шарик на верёвочке, который он пускал по потолку подвала. Я был самым младшим клоунообразом, и в мои обязанности входило ржать во весь рот, что я и делал.

Дышать клеем нам приходилось не только в подвалах – но и на заброшенных стройках, в канализационных коллекторах, а иногда и у себя дома. Конечно это было интереснее, чем лазить по больничным помойкам и взрывать на костре ампулы. Хороший способ избавиться от безделья, особенно в летние каникулы. Вот мы заходим в полуразрушенное здание, разливаем по пакетам клей – и уже через некоторое время ты слышишь, как глубоко дышат твои друзья и ты сам. И даже дождь на улице начинал звучать где-то внутри тебя.

Порой в дело шёл не только клей – но и ацетон, бензин и даже газ в баллонах. Как-то у себя дома на кухне я обнаружил несколько баллонов для газовых плит. А когда остался один в квартире, то решил подышать и его. Усевшись на диван, я стал вдыхать шипящий горьковатый газ. На вкус он показался мне менее приятным, чем «Момент». Не знаю сколько времени прошло – двадцать минут или пол часа, но кажется я ничего не ощущал. Не было ни галлюцинаций, ни даже каких-нибудь причудливых мыслей. Я встал с дивана, подошёл к окну и выглянул на улицу. И тут из одного моего глаза вытянулась заточенная по краям монетка на леске.

Монетка начала вонзаться в головы прохожим, и острыми краями перемалывать им там все внутренности. Я с ужасом закрыл окно.

Токсикоманить я перестал по истечении своего подросткового возраста. Вдыхаемые токсические вещества растворили нам мозги и стёрли память. Кто-то умирал от отёка лёгких и внезапной остановки сердца. А те, кто выживал – не могли закончить школу, не могли адаптироваться к дальнейшей взрослой жизни, навсегда оставаясь там – в своём четырнадцатилетнем возрасте. Поколение токсикоманов кануло в небытие, и на их смену пришло поколение курящих траву. Но им повезло больше.

Но когда мы с Тёмой сидели в подвале и дышали клеем – я ничего об этом не знал, да и не хотел знать. Я оторвал лицо от пакета, и увидел перед собой вместо Тёмы мужика в милицейской форме с погонами. Тут же отбросил пакет в сторону, опасаясь, что сейчас загребут в участок.

– Ты чего? – подал голос мент. – Пакет возьми.

– Это не моё – категорически заявил я.

Но тут мент необыкновенным образом начал перевоплощаться в моего кореша Тёму. Сначала исчезла форма, а потом и лицо стало принимать знакомые очертания. Я с облегчением понял, что это был всего лишь глюк. Тёма, Тёма – как я рад тебя видеть. Близкий мне человек.

Любовь

– Сань, а ты хоть книжку читал какую-нибудь?

– Да читал, эта... Мёртвые души называется.

– Ну и как тебе?

– Звиздец как устал читать.

Мы смеёмся над Саней, шагая по пустынной улице. Нас человек семь, всем нам по четырнадцать-шестнадцать лет. А Сане двадцать восемь. Конечно мы не хотели, чтобы с нами тусовался умственно отсталый. И поэтому всегда его кидали – хитростью, или откровенно посылали. Но порой из жалости брали гулять с собой.

Когда-то мать-алкоголичка выгнала его из дома. Ночевал он в подъездах. Простыл, заболел менингитом, ну и после всего этого перестал дружить с умом. Родители его потом опомнились, вернули обратно домой. Но болезнь оставила на нём неизгладимый след – мышление было как у восьмилетнего. Учился в специальной школе для придурков. После того, как с учёбой было покончено, ничем серьёзным не занимался. Шатался по улицам с безумным взглядом.

Когда нам нечем было заняться – мы издевались и прикалывались над Саней. Стоило его только обозвать какими-нибудь плохими словами, как он начинал бегать за нами и бросаться камнями. Доводить слабоумного было для нас подростков экстремальным развлечением. Говорили, что из-

за болезни у Сани имелась какая-то специальная карточка, освобождающая его от уголовной ответственности. Поэтому мысль, что тебя могут убить, и за это никому ничего не будет – холодила нервы и заставляла лучше ориентироваться в опасной ситуации. Силы у него было много, далеко камни бросал. А вот с мозгами да, как-то раз он удосужился несколько раз подтянуться на козырьке крыши нашего пятиэтажного дома. Но если к нему относиться хорошо, то и он ничего – казался добрым малым.

Часто мы тусовались в одном заброшенном здании. Писали и рисовали на стенах. Сане такая форма самовыражения тоже пришлась по душе. Писать он конечно же не умел, но фломастером пробовал выводить разные слова и выражения.

Анрхя мать парятка

Мы разгадывали непонятные сочетания букв, посмеивались над всем этим. Но понимали, что каждый человек имеет право на творчество, даже в таком виде.

Помимо нашей компании заходили сюда и другие молодые люди. В основном это были малолетние шлюхи и наркоманы. В одну такую шлюху по прозвищу Крыса Саня и влюбился. Он просто куда-то пропал, не появлялся во дворе дома. Мы спрашивали друг у друга, не видел ли кто Саню. Пока однажды не встретили его одного гуляющего по длинным коридорам этого здания.

– Сань, ты куда исчез-то?

- Я ждал Крысу, она должна прийти сегодня.
- Да она же шлюха.
- Ну и что, она красивая.
- И что ты будешь делать, когда она появится?
- Скажу, что люблю её.

Мы звали его гулять, но он не обращал на нас внимание. Был каким-то грустным и вялым. Тогда мы сказали ему, чтобы он вообще больше к нам не подходил. А ещё через некоторое время совсем о нём забыли.

Стоял поздний дождливый вечер, было скучно. Казалось, что сегодняшней день нас уже больше не порадует приключениями. Мы зашли под крышу заброшенного здания укрыться от осадков и холодного ветра. Покурили, прошлись из одного конца коридора в другой. И тут на одной из стен увидели надпись.

Крысы лблю

– Пацаны смотрите, этот дебил признаётся девочке в любви – сказал один из нас.

– Как ты думаешь, она ему дала? – спросил другой.

Раздался смех.

– Тише! Слышите там кто-то ходит?

Поднялись на этаж выше, откуда доносились шаги, и увидели одиноко шагающего по этажу Саню.

– Эй ты урод, иди сюда, мы тебе сейчас хлебало бить будем.

Саня настороженно остановился и начал вглядываться.

Потом быстро вооружившись камнями, побежал в нашу сторону. От удара брошенного камня раздался сильный грохот и поднялась пыль. А через мгновение рядом с нашими головами пролетел ещё один брошенный им камень. Ну что ж, сегодня вечер не пройдёт зря, повеселимся от души.

2013

В больнице

Я лежу в больнице от военкомата для подтверждения диагноза. Скучотища. Со мной в палате ещё лежит дедок лет шестидесяти-шестидесяти пяти. С ним разговаривать неохота, я у него ничего не спрашиваю. Поэтому как он тут, что у него за болезнь – мне неизвестно. Врачи, после того как я прошёл обследование, сразу же определили, что я не кошу от армии, что у меня действительно есть болячки, и меня решили немного подлечить. Прописали делать ряд уколов и капельниц. Каждый день я ходил на процедуры, а после лежал на кровати и смотрел в стену, ни о чём не думал. Кормят в больнице отвратительно. По утрам каша, по внешнему виду напоминающая клейстер. В обед подобие супа, компот. А на ужине я даже не появлялся.

И так шли за днями дни – ленивые, однообразные. Но сегодня вдруг осознаю, что если и дальше ничего не делать, то всё это плохо кончится. Умрёшь не от своей болезни, так от скуки точно. Выхожу в коридор, и начинаю ходить с одного конца в другой. Долго смотрю в окно, сидя на подоконнике. Захожу в туалет покурить. Тут мужики больные курят.

– Ты с чем? – спрашивает меня один из них.

– С почками.

– О, серьёзно. А у меня подозрение на рак лёгких, врач вот совсем курить запретил. Курю одну сигарету в день. Ес-

ли умирать буду, есть что вспомнить. Сколько же я за свою жизнь баб перетрахал...

Стою и думаю, нашёл чем гордиться. Другой рассказывает историю, как одному мужику почку пересадили. Начал он с новой почкой бухать от радости. Бухал, бухал, и вдруг помер. Его рассказ мне показался смешным, и я засмеялся. Рассказчик странно на меня посмотрел. Курим дальше. Мне нечего рассказывать, да и не хочется о смерти говорить. Плевал я на болезни, и на смерть тоже. Я ещё жить хочу.

Поздно вечером на «скорой» привезли какую-то старушку. Самостоятельно она передвигаться не могла, поэтому меня и ещё одного больного, как самых дееспособных из всей больницы – врачи попросили перенести её в палату. Прямо сидящую на стуле мы понесли старую по тёмным коридорам больницы. Старуха была совсем лёгкая – улыбалась, и даже пыталась что-то говорить. На следующий день, из разговора больных, я узнал что она умерла. Под утро, ещё лёжа в кровати, через дверь из палаты в коридор я слышал несвойственную для столь раннего времени суматоху. Что-то там происходило. Видимо медперсонал пытался или спасти её, или уже вывозил бездыханное тело из стационара.

Больные в больнице самые разные. Вот невероятно худой человек, который очень медленно передвигался по коридору, и то всегда облокотившись на стену. Вот судовой повар, лечащий больное сердце, и постоянно рассказывающий о своей жене. А вот лежит настоящий художник. Вер-

нее не лежит, а живёт. Говорят, что жить ему было негде, и он притворялся больным, чтобы жить здесь в больнице. Как ему удавалось это делать – не знаю? Как-то он пригласил меня к себе показать свои картины. Его палата напоминала настоящую мастерскую. Но руководство больницы всё равно от него избавилось, и он съехал. Как он сам мне сказал перед выселением – поедет жить в другую больницу.

На процедурах мне начинают колоть гормональные. Даже не знаю, плохо это или хорошо. Врач говорит, что для поддержания тонуса. А ещё гепарин в живот через каждые четыре часа, чтобы от уколов тромбы не образовывались. Дедок мой что-то совсем приуныл. Всё реже и реже с кровати встаёт. Лежим с ним в ожидании очередного обхода. Заходит врач.

– Ну, как себя чувствуем товарищи больные?

– Хорошо – отвечаю я за двоих.

Она садится ко мне на кровать. Измеряет давление и выписывает направления на повторную сдачу мочи и крови. Говорит, что если анализы будут нормальные, то будут готовить на выписку. Потом подходит к дедку. Дедок жалуется ей, что опухли ноги, чешутся. Ходить тяжело. Она объясняет, что его почки больше не очищают кровь. Жидкость попадает в нижние конечности, а зуд возникает от мочевины. Так я узнаю, что и он здесь с почками. Дедок интересуется, что ему теперь делать. Она отвечает, что ничего делать не надо, что он уже своё отжил.

Врач уходит дальше осматривать больных. Я продолжаю лежать. Тишина. Дедок встал с кровати, нервно прошёлся взад и вперёд.

2012

На улице

Был обычный день. Солнце взобралось высоко, и жарило своими лучами пыльную, суетливую улицу. По широким автомагистралям туда-сюда неслись легковые автомобили, пассажирские автобусы и тяжёлые грузовики. Они притормаживали у пешеходных переходов, уступали дорогу идущим людям, направляющимся в магазины и театры, поликлиники и банки.

Молодые мамы везли в колясках на прогулку своих новорождённых детей. На краю тротуаров пожилые женщины и мужчины продавали выращенные на дачах и огородах овощи и фрукты. Группа подростков что-то громко и весело обсуждала. Было шумно и душно, как всегда бывает в большом городе летом в час пик.

Поодаль от проезжих дорог располагались жилые кварталы с высокими многоэтажками и детскими площадками, утопающими в зелени скверами и автостоянками. Каждый дом вмещал в себя сотни людей разных возрастов и профессий. Они жили своей размеренной, неторопливой жизнью – заканчивали школы и институты, работали, создавали семьи. На детских площадках играли дети, а в утопающих зелёную скверах уединялись влюблённые молодые пары.

А ещё дальше, за жилыми кварталами, двигались подъёмные краны, стучали отбойные молотки – строились но-

вые комфортабельные дома, которые вскоре тоже заселят люди. Шум стройки разносился далеко по округе, сливаясь с грохотом тяжёлых грузовиков и звонкой речью. Казалось, что бесконечный людской поток никогда не остановится, как не останавливается жизнь... до поры, до времени.

По тротуару медленно шла старуха. Её бледное, сморщенное лицо выражало ненависть. Она подымала свою палку, и резко тыкая ею в проходящих мимо людей, выкрикивала:

– Вот тебя надо расстрелять, и тебя тоже! Вас всех тут надо расстрелять, сволочи!

Недоумевающие прохожие только ускоряли шаг.

2013

Дискотека

Сегодня мы с моим дружкой Димасом вечером идём на дискотеку. А какая дискотека без выпивки? В клубе алкоголь дорогой, вот мы и решили заправиться заранее. Взяли пузырь, запивона. Расположились в роще, на мостике через речку-говнотечку. Стоим, пьём. Хоть и зима, но на улице не холодно. Падает мелкий снежок. Хорошо вокруг, умиротворённо.

– Ну чё, давай за нас короче – говорит Димон, и делает приличный глоток. – Вроде нормально так, хорошо идёт.

Передаёт мне бутылку, я тоже отхлёбываю. Какой-то парень, завидя нас на мостике, боится пройти. Мы сделали вид, что увлеклись разговором и не замечаем его. Он переминается с ноги на ногу, чего-то ждёт, но в конечном итоге быстро проскальзывает мимо нас. Вдруг появляется мужик, вроде нерусский – хач.

– Ребят, есть прикурить?

Я достаю зажигалку, зажигаю ему сигарету.

– Чё как сам? – интересуется у него Димон.

– Да вот, бритоголовые налегают.

– Да ладно – говорю я. – Чё ты, всё нормально. И среди русских уродов полно. А вообще, вот я интернационалист допустим, так что расслабься.

Но мужик всё равно чем-то напуган, оглядывается по сто-

ронам.

– Может водки выпьешь? – сделал ему предложение Димон.

– Нет ребят спасибо, мне пора.

– Удачи – говорю я ему уже вслед.

Через некоторое время предлагаю тоже двинуть к клубу, и там где-нибудь поблизости ещё взять пивка. Димас соглашается. Минуем несколько кварталов, и вот мы на месте. Заходим уже такие пьяные в павильон на остановке, заказываем два пива, но продавщица азиатской внешности почему-то отказывается нам его продавать.

– Я не понял, э... чё такое? – возмущается Димон.

Продавщица никак не реагирует, а только самодовольно морщится и продолжает заниматься своими делами. Я замечаю рядом сидевшего на стуле такого же нерусского охранника, и начинаю тоже возмущаться, что мол почему тут охранники нерусские, почему русских не нанимают? Она кивком делает ему знак, он резко подрывается и наносит мне кулаком удар в лицо. Я попытался увернуться, но удар всё равно пришёлся в шею. Выбегаем с Димоном из павильона, матерясь на всю улицу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.